

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

20. Гёте, И.В. Западно-восточный диван / И.В. Гёте; изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов; отв. ред. И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1988.
21. Hölderlin, F. Werke und Briefe: in 2 Bd. / F. Hölderlin; hrsg. von F. Beissner und J. Schmidt. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1969. – Bd. 1.
22. Гёльдерлин, Ф. Сочинения / Ф. Гёльдерлин; сост. и вступ. ст. А.И.Дейча; коммент. Г.И. Ратгауза. – М.: Худож. лит., 1969.

ЗИГФРИД: МИФ ИЛИ СКАЗКА?

Е.В. Лушневская

Полоцкий государственный университет, Беларусь

Как известно, корни эпоса уходят вглубь мифологического мышления, – утверждает В.Я. Пропп [1, с. 299]. По мнению Е.М. Мелетинского, возникновение эпоса, происходило на основе взаимодействия богатырской песни-сказки и первобытных мифологических сказаний о первопредках – «культурных героях» [2]. Мы частично разделяем точку зрения А.Я. Гуревича, выделяющего в «Песни о Нибелунгах» вневременную сказочную древность, героическую эпоху переселений и современность [3, с. 125]. Мы считаем, что «Песнь» – эпос многоплановый: миф, история (IV–VI века) и современность (XII век) в нем прочно связаны. Сегодня значительная часть литературоведческих исследований направлена на изучение мифа, поскольку он вызывает много споров в силу своей неоднозначности и архаичности (Т.В. Топорова, М.К. Меньщикова, Ю.Н. Бучилина). Основу «Песни о Нибелунгах», по мнению А. Хойслера, образуют два сказания: о гибели бургундов и о Зигфриде и Брюнхильде [4, с. 15]. Если первое из них – без учета эпизода Хагена с русалками – имеет историческое происхождение, то сказания о Зигфриде и о Брюнхильде наполнено мифическими и сказочными элементами.

В германо-скандинавской мифологии светлым ореолом окружен образ бога Бальдра. Определённое тематическое сходство между мифом о Бальдре и сказанием о Зигфриде было уже давно замечено исследователями (Ф.Р. Шрёдер, Я. де Фрис) [5]. Так, основные сведения о Бальдре можно почерпнуть из «Старшей Эдды» в «Прорицании Вэльвы» и из прозаических рассказов «Младшей Эдды» [6]. Как и Бальдр, Зигфрид «лучше всех, и его все прославляют», в нем светлое, созидательное начало. По мнению Ю.Н. Бучилиной, «то, что он сумел победить великанов и карлика, существо из подземного мира, говорит о божественной природе героя, ибо все герои суть модификации мифологического культурного героя, который являлся в первоначальных мифах сыном богов или каким-либо богом» [7, с. 74]. Фригг раскрывает тайну Бальдра подобно тому, как Кримхильда выдает тайну Зигфрида. Смерть героя – ведущий мотив в мифологии. По словам А.Я. Гуревича, непосредственный интерес у средневековой аудитории вызывала встреча героя «со своей личной судьбой и его гибель» [8, с. 15]. Смерть делает героя героем. И, поскольку сказания Зигфриде имеют «неисторическое» происхождение, то и смерть героя, должно быть, находит обоснование в мифологии. Действительно, исторически известных черт Зигфрида недостаточно для того, чтобы изобразить в полной мере его образ, саму сущность его личности. Несмотря на то, что автор «Песни о Нибелунгах» стремился приспособить образ Зигфрида к сказанию о бургундах, ему не удалось лишить героя исключительности. Возможно, это и не было намерением автора.

Конечно, сказание о Зигфриде структурно архаичнее, чем сказание о бургундах, и сам Зигфрид, по утверждению Ф.Р. Шрёдера, более древний, чем бургундские короли и Атила [9, S. 8]. Как полагал Я. де Фрис, особое положение сказания о Зигфриде в пределах германской героической эпической поэзии обусловлено тем, что образ Зигфрида восходит к гораздо более древним временам, чем эпоха «Великого переселения народов», которая, со своей стороны, послужила основой для создания совершенно нового сказания о героях [10, S. 134]. Такая точка зрения оставляет открытым вопрос: восходит ли сказание о Зигфриде к мифу о богах (Ф.Р. Шрёдер, Я. де Фрис) или к героической сказке (Ф. Панцер). Эти гипотезы, подтверждающие происхождение Зигфрида из другого мира, призваны оправдать не подвергающееся исторической характеристике особое положение героя.

Подтверждением происхождения Зигфрида из мифа служит мнение, что Зигфрид, «пройдя через многочисленные века истории, приобрел черты тех или иных исторических личностей» (Ф.Р. Шрёдер) [11, S. 111–122], став, таким образом, неким архетипом. Противоборство Зигфрид – Хаген – это борьба между светом и тьмой, добром и злом. Отсюда развился годовой миф о великольном сыне богов, которого подкарауливает злой демон и наносит смертельный удар, о светлом Боге лета и об уничтожающем его темном демоне зимы, одним словом, миф об умирающем Боге [9]. Существуют некоторые параллели, позволяющие сравнивать Зигфрида с героем мифологии. Наличие уязвимого места, выданное по оплошности женщиной, и смерть героя – вот только некоторые из них.

В древней мифической связи должен усматриваться и основной поступок Зигфрида: битва с драконом. Он не только является излюбленным и легко поддающимся трансформации мотивом в более поздней героической и придворной эпической поэзии, но и служит отголоском «мифического доисторического времени», – утверждает Ф.Р. Шрёдер [9, S. 14]. Свое превосходство Зигфрид подтверждает не только благодаря отрубленной голове дракона, но и купанием в его крови, что гарантировало ему вечную победу. Я. де Фрис полагает, что любая битва с драконом, в конечном счете, восходит к прасобытию преодоления чудовища Хаоса [9, S. 160]. Ю.Н. Бучилина разделяет это мнение и пишет: «Чудище знаменует собой силы Хаоса, хтонических существ, которых герой побеждает, проходя инициацию» [7, с. 63].

Ф.Р. Шрёдер усматривал отголоски мифа в сцене убийства на охоте. По его мнению, данная сцена связана с мифом об умирающем Боге, который терпит смерть от темных сил, принявших образ вепря. При этом ученый ссылается на одно из значений имени Хагена (от *haganaz*) – «племенное животное» или «прирученный кабан» [11, S. 119]. В противопоставлении Зигфрид – Хаген Ф.Р. Шрёдер видит противостояние Бога и дьявола. Смерть Зигфрида символизирует смерть молодого Бога. «Судьба, постигшая его во время охоты на кабана, встречает его и в образе враждебного злого духа, представленного во многих религиях в образе вепря», – пишет Ф.Р. Шрёдер [11, S. 119]. Следовательно, такая смерть героя принадлежит к праисточнику сказания о Зигфриде. В ходе героизации сказания единое целое – Хаген и вепрь – отделяются друг от друга. Подобно тому, как Зигфрид сохраняет прелесть сына богов, так и в Хагене видны темно-демонические черты зверообразного существа.

Если же Зигфрида рассматривать как неистощаемое изобилие милостей, – символом чего выступает принадлежащий ему неисчерпаемый клад, – то в этом усматривается его отождествление с годовым Богом и Богом растительности. В то время как Зигфрид побеждает дракона, он оказывается светлым подателем и умирляет Хаос. Следовательно, смерть на охоте можно толковать как героизированный миф об «умирающем и воскресающем» Боге растительности.

В то же время история сватовства, имеющая центральное значение в сказании о смерти Зигфрида, не поддается мифической интерпретации. Сказочные мотивы присутствуют не только в сюжете сватовства, но и в значимых для содержания эпизодах. Они настойчиво навязываются читателю, из чего Ф. Панцер сделал вывод, что происхождение сказания о Зигфриде вообще нужно искать в сказке [12]. Данная точка зрения требует уточнения.

Несомненно, Зигфрид наделен чертами сказочного персонажа: богатырской силой («Да витязей Ниблунгских / семь сот сразил боец лихой» (94,4) [13, с. 152] – *und recken siben hundert / twang er von Nibelunge lant* (94,4) [14, S. 34]), безудержной отвагой («Никто силен так не был / еще доселе из бойцов» (99,4) [13, с. 152] – *also grôzer kreft / nie mêr recke gewan* (99,4) [14, S. 36]), необычайной ловкостью («Был Зигфрид смелый витязь, / был росл он и силен: // метнул он камень дальше / и дальше прыгнул он» (464,1–2) [13, с. 194] – *Sifrid der was küene, / vil kreftec unde lanc. // den stein den warf er verrer, / dar zuo er wîter spranc* (464,1–2) [14, S. 144]), волшебной неуязвимостью («Как смелый витязь / змея сразил рукой своей. // В крови его купаясь, / стал Зигфрид роговым: // с тех пор не раз видали, / что он в бою неуязвим» (100,2–4) [13, с. 152] – *einen lintrachen / den sluoc des heldes hant. // er badet' sich in dem bluote: / sîn hût wart hurîn. // des snîdet in kein wâfen; / daz ist dicke worden scîn* (100, 2–4) [14, S. 36]). Воинская отвага, прямота характера, верность в дружбе и любви, великодушие к побежденным, свойственные Зигфриду, явились как бы воплощением народного идеала героической личности [15, с. 43].

Несмотря на то, что сказочную теорию некоторые ученые считают неудобной и поэтому в большинстве случаев избегают, мы представим некоторые достойные внимания факты, ссылаясь на предложенные Ф. Панцером предположения и соответствующую литературу.

Доказано, что в сказании о Зигфриде можно найти не только отдельные сказочные черты, но и сказочные закономерности развития событий. При всем том, некоторые ученые (В.Я. Пропп, Ф. Панцер) склонны расценивать сказку как первоначальный источник сказания. Тот, кто видит в Зигфриде изначально сказочного героя, отрицает его происхождение из мифа и ищет предысторию «не на небе, а на земле», – пишет Ф.Р. Панцер в своей статье «Русская сказка о сватовстве в “Песни о Нибелунгах”» [16, S. 469]. Очевидно, между изображением сватовства Гунтера к Брюнхильде и распространенной в России сказкой о сватовстве существует определенная связь. В обоих случаях находит отражение древний свадебный ритуал, сопровождавшийся испытаниями жениха. Как и в богатырской сказке, так и в «Песни», королевич хочет взять в жены правительницу далекой страны. Она, как правило, обладает сверхчеловеческой силой и хочет сочетаться браком только с тем, кто будет равным ей по силе в испытаниях. В противном случае жениха ожидает смерть. Ни Гунтер, ни царский сын из сказки не доросли для поставленных задач. Однако достичь своей цели они могут с помощью сопровождающего их богатыря, который незаметно выполнит условия сватовства. В обоих случаях опасность таит брачная ночь, когда королевич снова должен прибегнуть к помощи. В результате храбрый помощник богатыря вызывает гнев королевы.

Однако не только главная черта основного действия позволяет сравнивать сказку с «Песней о Нибелунгах», существуют еще и многочисленные детали. И Зигфрид, и сильный помощник из сказки отго-

варивают королевича от сватовства как от опасного предприятия. И только помощник богатыря знает дорогу в далекий край. Он, как правило, предлагает королевичу отправиться в путь без свиты «как подобает богатырю». Это один из фактов, позволяющих считать «Песнь о Нибелунгах» «не сказанием о героях, а неполностью героизированной сказкой», – указывает в своей статье Ф.Р. Панцер [16, S. 469]. Если, например, богатырша из русской сказки живет в железном замке, то в «Песни о Нибелунгах» это соответствует замку Брюнхильды Изенштейну, укрепленному башнями, который, кроме того, называется «крепостью» («*diu veste*» – от нем. «*die Festung*» – крепость) (384). В пользу гипотезы, что сказка является источником истории о Брюнхильде, а не наоборот, свидетельствует наличие таких явлений, как неполная стилизация сказочных черт в героическое и придворное. Эпизоды о чудесном одолении сильной королевы в трех состязаниях и окончательном ее укрощении на брачном ложе по своей внутренней форме резко контрастируют с остальным повествованием. Тот факт, что невеста в брачную ночь связывает Гунтера и вешает его на гвоздь в стене, противоречит описанию остальных персонажей «Песни о Нибелунгах», всей героической поэзии [17, S. 44]. Здесь в основе лежит сказочный продукт, который, по мнению Я. де Фриса, «не поддавался полной героизации даже в руках гениального поэта». Кроме того, ученый ссылается на различия между сказкой и сказанием о героях [10, S. 167, 175]. Приведем некоторые из них.

Во-первых, для сказочного пространства характерна неопределенность, тогда как героическое сказание разыгрывается в географически определенном мире. В сказании о Зигфриде как раз присутствует пространственная неопределенность. Где находится страна Нибелунгов, неясно. Кроме того, битва с драконом происходит в сказочном, неопределенном пространстве (где-то). Родина Брюнхильды и ее замок не находят географического соответствия. Пространственные конкретизации (типа Ксантена как резиденции Зигфрида) представляют собой, по мнению Ф.Р. Шрёдера, более поздние дополнения [18].

Во-вторых, огромное значение в сказке имеют волшебные предметы, однако, в героическом сказании такие предметы второстепенны. В то же время максимально значимой оказывается роль плаща-невидимки в сказании о Зигфриде; поскольку от данного сказочного реквизита зависят и успех сватовства, и одоление Брюнхильды в брачную ночь. Центральным значением обладают сверхъестественная сила Брюнхильды и неуязвимость Зигфрида. От таких моментов в «Песни о Нибелунгах» отказаться невозможно. Однако бросается в глаза тот факт, что, повествуя о таких сказочных приключениях, как приобретение клада и убийство дракона, автор упоминает о них словно между делом, в краткой и сжатой форме. В то же время автор не раз подробно останавливается на роли плаща-невидимки. А полученную вместе с кладом волшебную палочку и вовсе оставляет без внимания: «И в кладе том был прутик / волшебный золотой // и тот, кто знал бы это, / стать мог бы головой // Над каждым мужем в свете» (1124,1–3) [13, с. 276] – *Der Wunsch der Iac darunder, / von golde ein rüetelîn. // der daz het erkunnet, / der möhte meister sîn // wol in aller werlde / über ietzlîchen man* (1124,1–3) [14, S. 340]. О ее волшебной силе и применении нет и речи.

В-третьих, основной тон сказки оптимистичен, настроение сказания о героях пессимистично.

Наконец, сообщение Хагена о добыче Зигфридом клада Нибелунгов является вполне «очевидной сказочной схемой», – считает И. Бумке, – ситуация в лесу перед горой, мотив делящих наследство братьев и три диковинные вещи, по всей вероятности, родом из сказки [19, S. 259]. В основе лежит так называемая «формула раздела наследства» (Ф. Панцер) [12, S. 63], т.е. известный сказочный мотив делящих наследство братьев. Здесь имеет место привлечение помощника, который убивает спорящих и присваивает все сокровища себе. Однако сама ситуация складывается для богатыря удачно. Так и в «Песни» Зигфрид встречает делящих наследство братьев Нибелунга и Шильбунга и призывается на помощь в дележе; не угодив им обоим, Зигфрид убивает братьев и становится обладателем клада. Невероятной кажется сила Зигфрида, когда тот, например, кроме обладателей клада убивает еще 12 великанов и 700 богатырей. Сказочным является нереальный мир этого чудесного события, о котором неизвестно, когда и где оно произошло, а также оптимистичен общий фон, т.к. именно Зигфрид, вопреки подавляющему численному превосходству противников, остается победителем.

Следует обратиться еще к ряду черт сказочного происхождения. Например, трое мужчин едва несут копьё Брюнхильды, ее щит с трудом держат четверо мужчин. Копьё Зигфрида в две пяди шириной больше подходит «молодому великану» из сказки братьев Grimm, расколовшему наковальню железной палкой вместо меча, чем королевскому сыну из Нидерландов [20, S. 291]. Верный помощник Зигфрида, меч Бальмунг, также наделен магически сказочными свойствами. По мнению В.М. Жирмунского, Зигфрид должен жить в царстве сказки, а не при дворе феодального короля Гунтера [21, с. 20].

Таким образом, мы пришли к выводу, что «Песнь о Нибелунгах» – это не поэтически оформленный миф, хотя сказание о Зигфриде, вероятно, было образовано согласно мифическому архетипу, но она, определенно, и не сказка, хотя как раз в основе сюжета о Зигфриде, в первых приключениях героя просматривается типично сказочный ход событий. В то же время «Песнь» – это не изображение истории, хотя предметом второй части «Песни» являются исторические события. Между тем, само собой разумеется, что только из этого многопланового процесса оформления не мог возникнуть эпос о Нибелунгах.

То, что предоставили история, миф, сказка и сказание, было только материалом и мотивами. Имело значение объединение в большой книжный эпос этих давно уже сформированных, но также и часто расходящихся материалов и мотивов. Поэту «Нибелунгов» предстояла «собственная битва с драконом, с хаосом древнего предания» (Б. Нагель) [17, S. 47], подобно битве Зигфрида с драконом и Хаосом в образе Хагена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
2. Мелетинский, Е.М. Героический эпос / Е.М. Мелетинский // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С. 107–112.
3. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
4. Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / А. Хойслер – М.: Ин. лит., 1960. – 446 с.
5. Старшая Эдда. Пророчество Гриппира / Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 750 с.
6. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна; отв. ред. В.М. Жирмунский – СПб: Наука, 2005 – 259 с.
7. Бучилина, Ю.Н. Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Ю.Н. Бучилина. – Н. Новгород, 2009. – 209 л.
8. Гуревич, А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / А.Я. Гуревич // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М.: Индрик, 2005. – С. 12–22.
9. Schröder, F.R. Mythos und Heldensage / F.R. Schröder // Germanisch-Romanische Monatsschrift. – 1955. – № 36. – S. 1–21.
10. Vries, J. de. Betrachtungen zum Märchen / J. de Vries. – Helsinki: Academia scientiarum, 1954. – 184 S.
11. Schröder, F.R. Sigfrids Tod / F.R. Schröder // Germanisch-Romanische Monatsschrift. – 1960. – № 41. – S. 111–122.
12. Panzer, Fr. Studien zur germanischen Sagengeschichte II: Sigfrid / Fr. Panzer. – München: C.H. Beck, 1912. – 281 S.
13. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшев – СПб.: Типография Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
14. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. – Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1997, 2003. – 1045 S.
15. Ковалева, Т.В. Литература средних веков и Возрождения: учеб. пособие для вузов / Т.В. Ковалева, И.Л. Лапин, Н.А. Паньков; под ред. Я.Н. Засурского. – Мн.: Университетское, 1998. – 238 с.
16. Panzer, Fr. Nibelungische Ketzereien. 1. Das russische Brautwerbermärchen im Nibelungenlied / Fr. Panzer // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1950. – № 72. – S. 463–500.
17. Nagel, B. Das Nibelungenlied. Stoff-Form-Ethos / B. Nagel. – Frankfurt am Main: Hirschgraben-Verlag, 1970. – 304 S.
18. Panzer, Fr. Nibelungische Problematik: Siegfried und Xanten, Hagen und die Meerfrauen, Magyaren und Hunnen / Fr. Panzer. – Heidelberg: Winter, 1954. – 32 S.
19. Bumke, J. Sigfrids Fahrt ins Nibelungenland. Zur achten Aventure des Nibelungenliedes // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1958. – № 80. – S. 253–268.
20. Panzer, Fr. Das Nibelungenlied. Entstehung und Gestalt / Fr. Panzer. – Stuttgart: Kohlhammer, 1955. – 495 S.
21. Жирмунский, В.М. Народный героический эпос / В.М. Жирмунский. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – 437 с.

**ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОТИВА СВАДЬБЫ
В БАЛЛАДЕ Г.А. БЮРГЕРА «ЛЕНОРА»**

А.А. Козин

Московский государственный областной университет, Россия

Одним из центральных мотивов баллады Г.А. Бюргера «Ленора» является бракосочетание, свадьба и, соответственно, сопровождающие этот обряд действия. Это соревнование, свойственное свадебному ритуалу, как правило, бег, в данном случае – ночная скачка; похороны; выбор жениха и невесты и, наконец, «соединение» жениха с невестой.